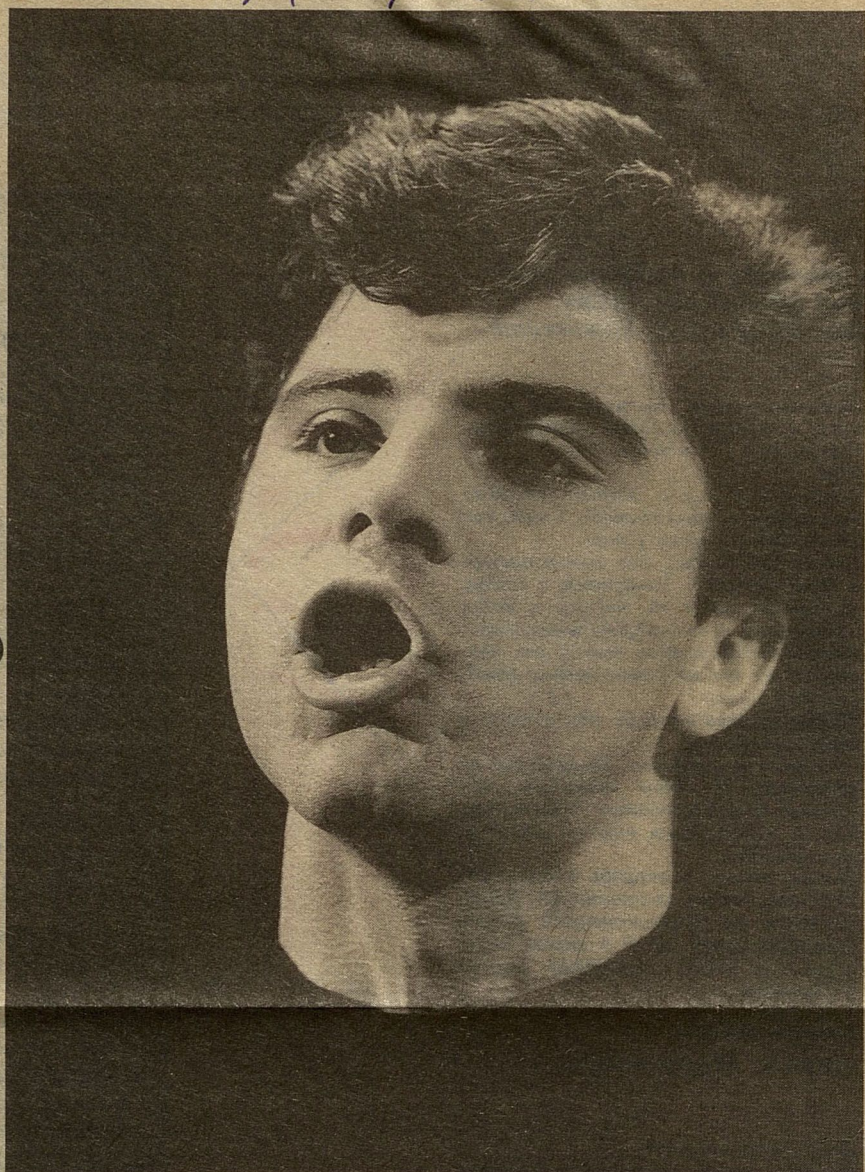

Баловень судьбы

Баловень судьбы — человек, баловатъ которого судьбе одно удовольствие: его это не испортит. Удачи для него, как витамины — естественная потребность организма, — безвредны и жизненно необходимы.

Его зовут воздушно и журчливо. Как «ах» водопада перед падением или вдох воздушного шара перед взлетом...

Со-со Па-вли-аш-вили...

Звезда в 25 лет! Обладатель Гран-при «Юрмалы-89»!

Родился в Тбилиси. Родители не музыканты: отец — архитектор, мать заведует цехом трикотажной фабрики, но на фортепиано играет, нигде специально не учившись, и петь любят. Молодые, красивые, веселые. В Грузии, наверное, нет немусыкантов. Все поют. Музыка Сосо — заслуга мамы. Она его, шестилетнего, привела в музыкальную школу, в класс скрипки. Почему скрипки? А ему все равно было, на чем, лишь бы музыка получалась. Она его притягивала... Сосо пытается объяснить, как именно и чем притягивала: ладонь в ладонь — обший кулак к груди прижал — задумался, напрягся для ответа, и вдруг — взрыв рук, улыбка облегчения и выдох, как выход: «Не могу объяснить! Вот у меня сын двухлетний Леван. Мы с ним в два голоса поем, он не сбивается. Он даже разговаривать еще не умеет, просто поет мотивы, все, что услышит, может свободно в той же тональности повторить. В два года! Вот и все». И жена у Сосо музыкальная — Нино окончила консерваторию.

После школы поступил в музыкальное училище. С красным дипломом окончил. Поступил в консерваторию. Сдал экзамены за первый курс — забрали в армию. Первые впечатления мрачные — посмотрел вокруг: лес, что делать, не совсем ясно, ощущение собственной ненужности... Тоскливо стало. Студент консерватории попал в какую-то дыру! Но, слава богу,

нашлись люди, привели в Дом офицеров части, сказали: вот, мол, человек из консерватории, может, пригодится? Еще как пригодился! Такое там провернул! Он был как министр культуры части. Создал вокально-инструментальную группу, которая обслуживала дискотеки, на концертах выступала, организовал хореографическую труппу, собрал хор из офицеров и их жен. Ему чем труднее и необычнее — тем больше нравится.

Он повествует о себе, как беззаботный кузнецик. Потому что каждая удача пробуждала в нем что-то новое. Очередная ступень заставляла шагать. И ступени все попадались такие, что требовали подъема. Можно сказать, он их не выбирал, не искал. Можно сказать, судьба. Счастливым случай лучше не рвать у судьбы зубами, пусть он придет сам — без насилия.

В армии Сосо начал и петь, и сочинять музыку, и аранжировки делать. Научился играть на бас-гитаре, на ударных. Он азартен и всеяден. Вернулся домой, собирался продолжать учебу в консерватории, об эстраде не думал. Уже через несколько месяцев после возвращения выступил в академическом концерте, хорошо выступил, все с облегчением вздохнули, что Сосо не испортился, остался их надеждой. Весной 1987 года в Тбилиси проходил отборочный тур для «Юрмалы-87». Друзья-знакомые долго уговаривали: выступи да выступи. Особенно настойчив был Гоги Каландадзе, дирижер и художественный руководитель эстрадно-симфонического оркестра Грузинского телевидения и радио. Он случайно услышал, как Сосо пел в классе консерватории. Уговорил. В отборочном туре участвовал еще Мераб Сепашвили, уже хорошо известный в Грузии исполнитель. Получили

оба по пять очков — высший балл. В Юрмалу, конечно, поехал Мераб. Сосо не огорчился: «Мераб гораздо опытнее, у меня никаких претензий не возникло, ведь я вообще первый раз ступил на сцену».

В Юрмалу не поехал, зато его увидел Басилая, руководитель «Иверии», пригласил в коллектив.

С «Иверией» он съездил в Италию, Израиль, Канаду. В Канаде участвовал в открытии зимней Олимпиады. Было, наверное, десять тысяч зрителей, концерт состоялся рядом со стадионом, его вытолкнули на сцену: давай пой! И он спел «Сулико» под Стиви Уандера, и канадские музыканты сразу подыграли. А потом Сосо взял скрипку и стал их песни в стиле кантри играть, предупредив: «Извините, я не хорошо знаю слова, но пою от души, поверьте». Это зрителям очень понравилось. Десять тысяч человек прыгали, аплодируя и подпевая.

«Юрмала-89» — первый конкурс в его жизни. На подготовку — всего полтора месяца. Не имел возможности как следует поработать над фонограммой: после трагического апреля в Тбилиси все закрылось — студии, концертные организации — не до этого было. Но такое, как Юрмала, случается раз, и надо или попадать в «десятку», или вообще не стрелять. «Я все сделал, как мне хотелось. И попал. Победа принесла не просто удовлетворение, а счастье. Наконец-то в Грузии хоть чему-то улыбнулись, я сделал им маленькое облегчение после апреля. Это уже для меня гран-при! С меня потом таксисты в Тбилиси денег не брали — узнавали. Люди на улицах говорили, что они мне благодарны»... Он человек вольный. Его дух не скован установками, штампами, запретами. Победил на престижном конкурсе, а его Гран-при, похоже, никому не нужен. Почему обязательно надо петь на русском языке, чтобы понравиться редакторам Центрального телевидения, которые решат, достоин ты эфира или нет? Разве нуждается в переводе песня «Самшобло», благодаря которой он победил в Юрмале. Достаточно сказать, что она о свободе, и посмотреть в глаза Сосо в момент исполнения — как у верующего в момент молитвы. Разве недостаточно знать, что музыку к «Холодному городу» он написал в ночь комендантского часа в Тбилиси, когда на душе было так же бесприютно, страшно и холодно, как на улицах... говорливого, хлебосольного, вино-град-ного, самолюбивого, вольного Тбилисо.

Может, Сосо и явился для того, чтобы не понимать на самом деле естественного, бесчеловечного, глупого, с чем большинство смирилось. А он удивляется и других заставляет. До определенного момента Сосо хвалили, помогали, вели тоже люди, но вот он взлетел на орбиту повыше, где иные порядки, жесткие, безжалостные к новичкам, просеивающие: «Свет мой зеркальце, скажи...» — и всех, кто милее, румяней и белее, столкнуть. На этой орбите чтобы удержаться, надо ей соответствовать. Так сложилось, что ломать приходится не традицию — себя. И здесь у Сосо начинаются проблемы, похожие на те, что в свое время были у других.

Проблема с поэтами-песенниками. Проблема с телевидением и радио — с эфиром.

В дефиците толкачи. Да, настоящий талант рано или поздно будет оценен... чаще, правда, это случается поздно. Сосо горячится: «Есть один человек — он что-то может делать. Есть второй человек — делать может меньше, зато у него есть толкач. Я не боюсь никого и ничего, но, к сожалению, толкачи у нас делают гораздо больше, чем исполнители. А у меня толкача нет. Мне очень помогает Ирина Понаровская. Она заинтересована в Юрмале, в судьбе лауреатов, вообще она очень справедливый человек. Но у нее есть свои дела, немало-важные проблемы, а она отвлекается на нас — как мать, опекает, пробивает».

Сосо запросто может перевернуть себя, потому что обрел опору в своем таланте.

Алла Перевалова.

Фото Сергея Андреещева.